

КЛАССИКА МЫСЛИ

КОРА АНТАРОВА

—
ДВЕ ЖИЗНИ
*I–II части,
в обновленной редакции*
—

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Антарова, Конкордия Евгеньевна.

А72 Две жизни : I-II части, в обновленной редакции / Антарова К.Е. — Москва : Издательство «АСТ», 2020. — 816 с. — (Классика мысли).

ISBN 978-5-17-100715-7.

Книга «Две жизни» – мистический роман, который весьма популярен у людей, интересующихся идеями Теософии и Учением Живой Этики. Этот текст был написан известной оперной певицей, ученицей К.С. Станиславского, солисткой Большого театра Конкордией Евгеньевной Антаровой (1886–1959). Как вспоминала сама Кора Антарова, книга писалась под диктовку во время Второй мировой войны и являлась знанием, переданным через общение с действительным Автором посредством яснослышания – способом, которым записали свои книги «Живой Этики» Е.И. Рерих и Н.К. Рерих, «Тайную доктрину» Е.П. Блаватская.

Главные герои «Двух жизней» – великие души, которые завершили свою эволюцию на Земле, но остались, чтобы помогать другим людям в их духовном восхождении. Именно поэтому ощутимо единство Источника всех вышеупомянутых книг: учение, изложенное в «Живой Этике», как бы проиллюстрировано судьбами героев книги «Две жизни». Это – Источник Единой Истины, из которого вышли Учения Гаутамы Будды, Иисуса Христа и других Великих Учителей.

Впервые в книге, предназначенной для широкого круга читателей, даются яркие и глубокие Образы Великих Учителей, выписанные с огромной любовью, показан Их самоотверженный труд по раскрытию Духа человека. Теперь каждый из нас может приобщиться к Великой Истине, открыть для себя все новые и новые знания, которые на самом деле находятся всегда внутри нас...

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100715-7.

© Антарова К.Е., текст
© ООО «Издательство АСТ»

ОБ АВТОРЕ

«Две жизни» — оккультный роман, который впервые вышел в свет спустя почти 35 лет после смерти автора. Этот уникальный текст принадлежит перу К.Е. Антаровой, одной из тех самоотверженных русских женщин, чья жизнь была служением искусству и знанию.

Кора (Конкордия) Евгеньевна Антарова родилась 13 апреля 1886 года, когда только занимался Серебряный век русской культуры, когда разительно менялось общество и философия. Природа щедро наделила юную девушку талантами — ее прекрасное контральто поражало и притягивало к себе слушателей. Кора Антарова пела в церковном хоре, с 1901 года училась на Бестужевских высших женских курсах, параллельно посещая Петербургскую консерваторию, где брала уроки у И.П. Прянишникова. В 1907 года она успешно проходит прослушивание и становится солисткой Мариинского театра, а уже с 1908 года ее принимают в труппу Большого театра. Именно в этой колыбели музыки Кора Антарова проработала почти 30 лет.

Огромную роль в жизни юной певицы сыграла встреча с К.С. Станиславским, который в течение нескольких лет преподавал актерское мастерство в музыкальной студии Большого театра. Только Кора Антарова кропотливо вело стенографическую запись всех занятий гениального режиссера, которые потом опубликовала в отдельной книге «Беседы К.С. Станиславского в Студии Большого театра в 1918–1922 гг.». Впервые книга увидела свет в 1939 г. и выдержала несколько изданий, став настольной не для одного поколения актеров и режиссеров.

Свою книгу «Две жизни» Кора Антарова писала во время Второй Мировой войны посредством яснослышания — общения с настоящим Автором текста, Источником Единой Истины. Жизнеописание основных героев романа построено так, что вполне дает читателю возможность догадаться о скрытых за ними реальных прообразах. Сопоставление их биографий с судьбами героев книги

КОРА АНТАРОВА

позволяет прочувствовать действие закона кармы, значение настоящих и будущих духовных накоплений, которые определяют приверженность каждого человека Высшим идеалам. Книга хорошо показывает, как таинство раскрытия духовных сил человека может происходить среди естественных жизненных испытаний, подтверждая тем самым героизм ежедневного труда ученика, самоотверженно познающего Единую Истину.

Книга «Две жизни» не была издана при жизни Кору Евгеньевны и увидела свет только в 1993 году. После смерти Антаровой рукопись долгое время хранилась у ее духовной ученицы Елены Федоровны Тер-Арутюновой. Елена Федоровна никогда не теряла надежды на опубликование рукописи и активно знакомила с текстом тех, в ком чувствовался в ней интерес. Поэтому мы с уверенностью можем сказать, что этой книгой даже до публикации зачитывалось не одно поколение читателей.

 ЧАСТЬ I

ТОМ 1

ГЛАВА I У МОЕГО БРАТА

События, о которых я сейчас вспоминаю, относятся к давно минувшим дням, к моей далекой юности.

Уже больше двух десятков лет зовут меня «дедушкой», но я совсем не ощущаю себя старым; мой внешний облик, заставляющий уступать мне место, поднимать оброненную мною вещь, так не гармонирует с моей внутренней бодростью, что я конфужусь всякий раз, когда люди выказывают такое почтение моей седой бороде.

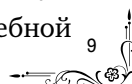
Было мне лет двадцать, когда я приехал в среднеазиатский большой торговый город погостить к брату, капитану М-ского полка. Жара, ясное синее небо, дотоле мною невиданное; широкие улицы с тенистыми аллеями из высочайших развесистых деревьев посередине поразили меня своей тишиной. Изредка проедет шагом на осле купец на базар. Пройдет группа женщин, укутанных в черные сетки и белые или темные покрывала, подобно плащу скрадывающие формы тела.

Улица, на которой жил брат, была не из главных; от базара далеко, и тишина на ней стояла почти абсолютная. Брат снимал небольшой дом с садом; жил в нем один со своим денщиком и пользовался лишь двумя комнатами, а три остальные поступили всецело в мое распоряжение.

Окна одной из комнат брата выходили на улицу; туда же смотрели два окна той комнаты, что я облюбовал себе как спальню и которая носила громкое название «зала».

Брат мой был человеком очень образованным. Стены комнат снизу доверху были заставлены полками и шкафами с книгами. Библиотека была прекрасно подобрана, расставлена в полном порядке и, судя по каталогу, составленному братом, обещала много радостей в новой для меня, уединенной жизни.

Первые дни брат водил меня по городу, базару, мечетям; временами я бродил один в огромных торговых галереях с расписными столбами и маленькими восточными ресторанами-кухнями на перекрестках; в толпе снующей, говорливой, пестро одетой в разноцветные халаты я словно бы оказался в Багдаде и все воображал, что где-то совсем рядом проходит Аладдин с волшебной

своей лампой или бродит никем не узнаваемый Гарун-аль-Рашид. И восточные люди, с их величавым спокойствием, или же, наоборот, повышенной экзальтированностью, казались мне загадочными и манящими.

Однажды, бродя рассеянно от лавки к лавке, я вздрогнул, как от удара электрического тока, и невольно оглянулся. На меня пристально смотрели совершенно черные глаза очень высокого, средних лет человека, с густой короткой черной бородой. А рядом с ним стоял юноша необычайной красоты, и его синие, почти фиолетовые глаза также пристально разглядывали меня.

Высокий брюнет и юноша, оба были в белых чалмах и пестрых шелковых халатах. Их осанка и манеры резко отличались от всего окружающего; многие из прохожих подобострастно им кланялись.

Оба они уже давно двинулись к выходу, а я все стоял, как замороженный, не в силах победить впечатление от этих чудесных глаз.

Опомнившись, я бросился за ними, но подбежал к выходу из галереи в тот самый момент, когда столь поразившие меня незнакомцы уже были в пролетке и отъезжали от базара. Молодой сидел с моей стороны. Оглянувшись, он чуть улыбнулся и сказал что-то старшему. Но густая пыль, которую подняли три осла, закрыла все, я больше ничего не мог видеть, да и стоять под отвесными лучами палящего солнца был больше не в силах.

«Кто бы это мог быть? — думал я, возвращаясь туда, где их встретил. Я несколько раз прошел мимо лавки и, наконец, решил спросить хозяина:

— Скажите, пожалуйста, кто эти люди, которые только что были у вас?

— Люди? Люди много ходила сегодня мой лавка, — хитро улыбаясь, сказал он. — Только твой, верно, не люди хочет знать, а один высокий черный люди?

— Да, да, — поспешил я согласиться. — Я видел высокого брюнета и с ним красавца юношу: кто они такие?

— Они наша большой, богатый помещики. Виноградники, — ой-я, — виноградник! Ба-а-льшой торговля ведет с Англия.

— Но как же его зовут? — продолжал я.

— Ой-я, — засмеялся хозяин. — Вся горишь, знакомиться хочешь? Он — Мохаммед Али. А молодой — Махмуд Али.

— Вот как, оба Магометы?

— Нет, нет, Мохаммед только дядя, а племянник — Махмуд.

— Они здесь живут? — продолжал я спрашивать, рассматривая шелка на полках и соображая, что бы такое купить, чтоб только выиграть время и вывести еще что-нибудь о поразивших меня незнакомцах.

— Что смотришь? Халат хочешь? — подметив мой парящий взгляд, спросил хозяин.

— Да, да, — обрадовался я предложению. — Покажите, пожалуйста, мне халат. Я хочу сделать подарок брату.

— А кто твой брат? Какой ему вкус?

Я понятия не имел, какие халаты могут нравиться брату, так как ни в чем другом, как в кителе или пижаме, пока еще не видел его.

— Мой брат — капитан Т., — сказал я.

— Капитан Т.? — вскричал с восточным азартом купец. — Я его хорошо знаю. Ему уже есть семь халатов. На что ему еще?

Я был смущен, но, скрыв свое замешательство, храбро сказал:

— Он их все раздарил.

— Вот как! Наверное, друзьям в Петербурге посылал. Ха-а-роший халаты покупал! Вот, смотри, Мохаммед Али для своя племянница велел прислать. Ой-я, халат! — И купец достал из-под прилавка чудесный розового тона халат с серовато-лиловыми матовыми разводами.

— Такой мне не подойдет, — сказал я.

Купец весело рассмеялся:

— Конечно, не подойдет; это женская халат. Я тебе дам вот — синий. — И с этими словами он развернул на прилавке великолепный фиолетовый халат.

Халат был несколько пестроват; но тон его, теплый и мягкий, мог понравиться брату.

— Не бойся, бери. Я всех знаю. Твой брат — приятель Али Мохаммед. Мы не можем продавать его приятелю плохо. Твой брат — ха-а-роший человек! Сам Али Мохаммед его почитает.

— Да кто же он, этот Али?

— Я же сказал — большая важная купец. Персия торгует и Россия тоже, — ответил хозяин.

— Не похоже, чтобы он был купец. Он, наверное, ученый, — возразил я.

— Ой-я, ученый! Ученый он есть такой, что и у твоя брат все книги знает. Твоя брат тоже ба-а-льшой ученый.

— А где живет Али, вы не знаете?

Купец бесцеремонно ударил меня по плечу и сказал:

— Ты, видать, здесь мало живешь. Али дом — напротив твой брат дом.

— Напротив дома брата очень большой сад, обнесенный высокой кирпичной стеной. Там всегда мертвая тишина, и даже ворота никогда не открываются, — сказал я.

— Тишина-то тишина. А вот сегодня будет не тишина. Приедет сестра Али Махмуд. Будет сговор, пойдет замуж. Если ты сказал, Али Махмуд красавец, — ой-я! Сестра — звезда с неба! Косы до пола, а глаза — ух! — Купец развел руками и даже захлебнулся.

— Как же вы могли видеть ее? Ведь по вашему закону покрывала нельзя снимать перед мужчинами?

— Улица нельзя. У нас и в дом нельзя. А у Али Мохаммед все женщины дома ходит открыта. Мулла много раз говорил, да перестал. Али сказал: «Уеду». Ну, мулла и молчит пока.

Я простился с купцом, взял покупку и пошел домой. Шел я долго; где-то свернул не в ту сторону и с большим трудом отыскал наконец свою улицу. Мысли о богатом купце и его племяннике путались с мыслями о небесной красоте девушки, и я не мог решить, какие же у нее глаза: черные, как у дяди, или фиолетовые, как у брата?

Я шел, глядя под ноги, и внезапно услышал: «Левушка, да где же ты пропал? Я уже собирался было тебя искать».

Милый голос брата, заменявшего мне всю жизнь и мать, и отца, и семью, был полон юмора, как и его сверкающие глаза. На слегка загорелом, гладко выбритом лице блестели белые зубы, а еще яркие, красиво очерченные губы, золотые вьющиеся волосы, темные брови... Я впервые разглядел, как красив он, мой брат. Я гордился и восхищался им всегда; а сейчас, точно маленький, ни с того ни с сего бросился ему на шею, расцеловал в обе щеки и сунул ему в руки халат.

— Это тебе халат. А твой Али причиной, что я совсем оторопел и заблудился, — сказал я со смехом.

— Какой халат? Какой Али? — с удивлением спросил брат.

— Халат номер 8, который я тебе купил в подарок. А Али номер 1, твой друг, — ответил я, все продолжая смеяться.

— Ты напоминаешь маленького упрямца Левушку, который любил всех озадачивать. Вижу, что любовь к загадкам все еще жива в тебе, — улыбаясь своей широкой улыбкой, необычайно изменявшей его лицо, сказал брат. — Ну, пойдём домой, не век же нам стоять тут. Хотя никого и нет, но я не поручусь, что где-нибудь тайком, из-за края занавески, на нас не смотрит любопытный девичий глаз.

Мы двинулись было домой. Но внезапно чуткое ухо брата различило вдали цоканье конских копыт.

— Подожди, — сказал он, — едут.

Я ничего не слышал. Брат взял меня за руку и заставил остановиться под огромным деревом, как раз напротив закрытых ворот того тихого дома, в котором, по словам купца из торговых рядов, жил Али Мохаммед.

— Возможно, что сейчас ты увидишь нечто поразительное, — сказал мне брат. — Только стой так, чтобы нас не было видно ни из дома, ни со стороны дороги.

Мы стояли за огромным деревом, где могли бы укрыться еще два-три человека. Теперь уже и я различал топот нескольких лошадей и шум коляс на мягкой немощеной дороге.

Через несколько минут распахнулись настежь ворота дома Али, и дворник вышел на дорогу. Оглядевшись, он махнул кому-то в сад и остановился в ожидании.

Первой шла простая телега. В ней сидели две укутанные женские фигуры и трое детей. Все они утопали в массе узлов и картонок, а сзади был привязан

небольшой сундук. Вслед за ними, в какой-то старой бричке, ехал старик с двумя элегантными чемоданами. И, наконец, на довольно большом расстоянии, очевидно оберегаясь от дорожной пыли, двигался экипаж, который пока нельзя было рассмотреть. Между тем телега и бричка въехали в ворота и исчезли в саду.

— Смотри внимательно, но молчи и не двигайся, чтобы нас не заметили, — шепнул мне брат.

Экипаж приближался. Это была изящная пролетка, запряженная прекрасным вороным конем, и в ней сидели две женщины с закрытыми черной сеткой лицами.

Из ворот дома вышел Али Мохаммед, весь в белом и за ним, в такой же длинной белой одежде, Али Махмуд. Глаза Али старшего, почудилось мне, пронзили насквозь дерево, за которым мы спрятались, и мне даже показалось, что по губам его скользнула едва уловимая усмешка. Меня даже в жар бросило; я прикоснулся к брату, желая сказать: «мы открыты», но он приложил палец к губам и продолжал пристально смотреть на приблизившийся и остановившийся экипаж.

Еще через мгновение Али старший подошел к экипажу, и ... маленькая белая очаровательная женская ручка подняла покрывало с лица. Я видел женщин, признанных красавиц, на сцене и в жизни, но сейчас впервые понял, что такое женская красота.

Другая фигура что-то визгливо выговаривала Али старческим голосом, а девушка смущенно улыбалась и уже готова была вновь опустить на лицо покрывало. Но Али сам небрежно сбросил его ей на плечи, и, к великому негодованию старухи, на свет показались темные кольца непослушных волос. Не обращая внимания на визгливые выговоры, Али поднял бросившуюся ему на шею девушку и, как ребенка, понес ее в дом. Между тем Али-молодой почтиительно высаживал все еще ворчавшую старуху.

Серебристый смех девушки доносился из открытых ворот. Уже и старуха с молодым Али скрылись, и пролетка въехала в ворота, и ворота закрылись... А мы все еще стояли, забыв место, время, забыв, что хотелось есть, жару и все приличия.

Обернувшись к брату, чтобы поделиться с ним своим восторгом, я был просто потрясен. Всегда улыбающееся лицо его было совсем бледно, серьезно и даже сурово. Его синие глаза как-то потемнели. Это было лицо совершенно неизвестного мне человека. Даже брови изменили свою обычную форму и были строго сдвинуты в почти сплошную прямую линию. Я не мог опомниться, все смотрел на это чужое, незнакомое мне лицо.

— Ну что же, понравилась ли вам моя племянница Наль? — вдруг услышал я над собой незнакомый металлический голос.

Я вздрогнул — от неожиданности не понял даже вопроса — и увидел перед собою высоченную фигуру Али-старшего, который, смеясь, протягивал мне руку.

Машинально я взял эту руку и почувствовал какое-то облегчение; даже из груди у меня вырвался вздох, и по руке пробежала теплая струя энергии. Я молчал. Мне казалось, что еще никогда не держал я в своей руке такой ладони. С усилием оторвались мои глаза от прожигающих глаз Али Мохаммеда, и я посмотрел на его руки. Они были белы и нежны, точно к ним не мог пристать загар. Длинные, тонкие пальцы кончались овальными, выпуклыми, розовыми ногтями. Вся рука, узкая и тонкая, артистически прекрасная, все же говорила об огромной физической силе. Казалось, глаза, мечущие искры железной воли, находились в полной гармонии с этими руками. Можно было легко представить, что в любую минуту, стоит Али Мохаммеду сбросить мягкую белую одежду, взять меч в руку — и увидишь воина, разящего насмерть.

Я забыл, где мы, зачем мы стоим посреди улицы, и не могу сейчас сказать, как долго держал Али мою руку. Я будто стоя заснул.

— Ну, пойдём же домой, Левушка. Отчего ты не благодаришь Али Мохаммеда за приглашение? — услышал я голос брата.

Я опять не понял, о каком приглашении говорит мне брат, и пролепетал какое-то невнятное прощальное приветствие улыбающемуся мне высокому и стройному Али. Брат взял меня под руку, я невольно двинулся в ногу с ним. Робко взглянув на него, я снова увидел родное, близкое с детства, знакомое лицо любимого брата Николая, а не того чужого человека под деревом, вид которого так меня поразил и глубоко расстроил. Привычка с детства видеть опору, помощь и покровительство в брате, привычка, создавшаяся в те дни, когда я рос только в его обществе, обращаться со всеми жалобами, огорчениями и недоразумениями к брату-отцу, как-то вдруг выскочила из глубины моего сердца, и я сказал жалобным тоном:

— Как мне хочется спать; как я устал, точно прошел верст двадцать!

— Очень хорошо, сейчас пообедаем, и можешь лечь часа на два. А потом пойдём в гости к Али Мохаммеду. Он здесь почти единственный ведёт европейский образ жизни. Дом его прекрасно и с большим вкусом обставлен. Очень элегантная смесь Азии и Европы. Женщины его семьи образованны и ходят дома без паранджи, и это целая революция для здешних мест. Много уж раз ему угрожали муллы и другие высокопоставленные религиозные фанатики за нарушение местных обычаев всяческими гонениями. Но он все так же ведет свою линию. Все, до последнего слуги, в его доме грамотны. Слугам предоставляются часы полного отдыха и свободы среди дня. Это здесь тоже революция. И я слышал, что против него теперь собираются поднять религиозный поход. А в здешних диких краях это вещь страшная.

Разговаривая, мы пришли к себе, умылись в ванной комнате, устроенной прямо в саду из циновки и брезента, и уселись у давно накрытого стола обедать. Хороший освежающий душ и вкусный обед вернули мне бодрость. Брат весело смеялся, журил меня за рассеянность и рассказывал всевозможные комические сценки, которые ему приходилось наблюдать в здешнем быту, восхищался сметливостью русского солдата и его остроумием. Редко восточная хитрость торжествовала над русской проницательностью, восточный торговец зачастую жестоко расплачивался за свой обман. Солдаты придумывали такие трюки, чтобы наказать обманщика, такой смешной фарс разыгрывали над торговцем, совершенно уверенным в своей безнаказанности, что любой режиссер мог бы позавидовать их фантазии. Надо сказать, что злых шуток солдаты никогда не проделывали, но комические положения, в которые попадал обманщик, надолго отучали его от привычки к надувательству.

Так незаметно за разговором мы кончили обедать, и желание поспать у меня улетучилось. Мне вздумалось попросить брата примерить подаренный ему халат. Сбросив китель, брат надел халат. Глубокий фиолетовый тон как нельзя больше шел к его золотым волосам и загорелому лицу. Я им невольно залюбовался. Где-то в глубине мелькнула завистливая мысль: «А мне никогда красавцем не бывать».

— Как удачно ты это купил, — сказал брат. — Халатов у меня, правда, много, но их я уже надевал, этот же мне нравится особенно. Ни на ком такого не видел. Непременно его надену вечером, когда пойдем в гости к соседу. Кстати, заглянем-ка в «туалетную», как важно зовет денщик гардеробную, и выберем для тебя халат.

— Как, — вскричал я с удивлением, — разве мы пойдем туда ряжеными?

— Ну зачем же «ряжеными»? Мы просто оденемся так, как будут одеты все, чтобы не бросаться в глаза. Сегодня у Али будут не только друзья, но и немалое количество врагов. Не станем же мы дразнить их европейским платьем.

Однако когда брат открыл большой шкаф, в нем оказалось не восемь, а десятка два всевозможных халатов из разных материй. Я даже вскрикнул от удивления.

— Тебя поражает это количество? Но ведь здесь носят сразу семь халатов, начиная с ситцевого и кончая шелковым. Кто богаче, носят три-четыре шелковых; кто беден, только ситцевые, но непременно надевают сразу несколько, друг на друга.

— Мой Бог, — сказал я, — да ведь в этакую жару, напялив несколько халатов, можно почувствовать себя в жерле Везувия.

— Это только так кажется. Тонкая материя не тяжела, а надетая одна другую не дает возможности солнечным лучам сжигать тело. Вот попробуй облачиться в эти два халата. Ты увидишь, что они невесомы и даже холодят, — сказал брат, протягивая мне два белых, очень тонких шелковых халата. —